

Экономическая природа факторных доходов

© 2014 Кузьмина Ольга Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент

© 2014 Михайлов Александр Михайлович

доктор экономических наук, профессор

Самарский государственный экономический университет

443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

E-mail: pisakina83@yandex.ru, 2427994@mail.ru

Посвящается проблеме выявления экономической природы факторных доходов. Доказывается, что изучение экономической природы факторных доходов может быть плодотворным, только когда наряду с господствующими идеями неоклассиков будут учтены взгляды представителей классической и институциональной школ.

Ключевые слова: факторные доходы, классическая школа, неоклассическая теория, институционализм, информационная теория стоимости.

С конца XVII в. ученые ведут речь об экономической природе различных факторных доходов. Изначально господствовала трудовая теория стоимости, согласно которой все доходы носили трудовой характер; так, с позиции ранних классиков заработная плата выступала как плата за труд, а рента, процент, прибыль являлись вычетами из затрат труда рабочего, т.е. неоплаченным трудом. Были, конечно, и исключения из правил, к примеру, А. Смит в связи со своей многоликой концепцией стоимости имеет одну из трактовок стоимости, лежащую за рамками трудового подхода, когда он расценивает стоимость как сумму факторных доходов, что явно роднит его концепцию со взглядами Ж.Б. Сэя, а точнее, подтверждает, что последний берет ее за основу в своих исследованиях. Стоимость как сумма факторных доходов наталкивает на мысль, что ряд из них, а именно рента, процент, прибыль, носит самостоятельный характер, т.е. вовсе не производны от фактора “труд”, они являются вознаграждением за производительность других факторов производства: процент - плата за услуги капитала, прибыль - плата за предпринимательские способности, а рента - плата за услуги земли.

В последующем неоклассик Дж. Б. Кларк объяснит механизм определения той доли созданного продукта, который приходится на каждый фактор производства. Его закон убывающей предельной производительности явно будет свидетельствовать о том, что предельный фактор производства с предельной производительностью, независимо от того, труд, земля это или капитал, будет определять тот уровень дохода, который приходится на этот фактор. Другими словами, если нет препятствий для конкуренции, за-

работная плата, прибыль, процент и рента будут представлять собой цены факторов производства, совпадающие по величине с их предельным продуктом или с их предельной производительностью. В XX в. М. Блауг подвергнет эту идею критике. “На самом деле, - пишет он, - не существует никакого особого предельного продукта отдельно взятого производственного фактора: факторы производства в сущности комплементарны, и предельный продукт любого из них является следствием предельных продуктов всех остальных факторов”¹.

XX в. обозначил не только проблему сложности определения той доли продукта в стоимости, которая приходится на каждый фактор производства, участвующий в ее создании, но и проблему “перетекания” одного фактора производства в другой. Недаром представители современной неоклассической школы вообще не интересуются физическими характеристиками факторов производства. Никаких попыток провести четкую грань между факторами они не предпринимают, напротив, все факторы предлагается рассматривать в качестве абстрактной категории “капитал”, а процесс ценообразования факторов производства в этой связи полностью совпадает с теорией процента, в основе которой лежит решение межвременного выбора альтернативных решений экономическими субъектами. При таком взгляде на процесс ценообразования и вознаграждения факторов производства любой факторный доход в процессе его образования будет представать в форме процента, и только сфера распределения, когда доподлинно будет известно, в чьи руки попадет этот доход, заставит нас сказать, процент ли это, рента, заработная плата или прибыль.

Как бы ни было удивительно, но отголоски идей неоклассиков относительно рассмотрения всех факторов производства в качестве абстрактной категории “капитал”, можно найти в трудах К. Маркса, где как раз и дается экономическое обоснование такой точки зрения. “Капитал, - писал К. Маркс, - это не вещь, а определенное общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер. Капитал - это не просто сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал - это превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же являются капиталом, как золото или серебро сами по себе - деньгами”². Рассматривая капитал как производственное отношение, становится легко понять, почему человеческий, природный, организационный и информационный факторы производства, будучи частью системы средств производства, предстают перед нами в качестве категории “капитал”.

Существенные пояснения в данный вопрос вносит А.В. Мещеров. С его точки зрения, которая во многом совпадает с идеями классика, капитал есть собственность, которая в стоимостном выражении самовозрастает. Для всех видов и форм капитала характерны исходные свойства, присущие категории собственности вообще, - это владение и пользование. Владение определяет принадлежность (присвоение) объекта собственности собственнику как субъекту отношений; в сущности, это распределительные отношения. Пользование становится самостоятельным свойством, которое не только выражается в присвоении благ от пользования объектом собственности самим собственником, но и в том, что последний может передать на время этот объект в эксплуатацию другим лицам. Эти свойства заложены в первоначальной парадигме развития отношений собственности и присущи любому капиталу³.

По натурально-вещественной форме капитал может выступать в виде природных, трудовых, технологических, организационных и информационных ресурсов. Но несмотря на многообразие видов, есть у них нечто общее, это их существование как самовозрастающей стоимости. Функционирование различных видов капитала сопровождается образованием доходов, которые также будут носить стоимостную природу независимо от формы.

Последнее утверждение по поводу стоимостной природы факторных доходов вряд ли у кого-то вызовет сомнение, но все же здесь требуется

некоторая коррекция. Она касается проблемы соотношения категорий “стоимость” и “ценность”. Очень часто в экономической литературе их используют как синонимы либо разграничивают, но вовсе не по смыслу, а по идеологическим причинам. Нам представляется такой взгляд совершенно необоснованным.

В работах классиков в основном фигурирует категория “стоимость”, под которой понимаются затраты рабочего времени на производство товара. Маржиналисты, изучая взаимосвязь свойств потребительной стоимости и меновой стоимости, обращают внимание на полезность. Они определяют ее с помощью рыночных цен, именно так, по их мнению, общество оценивает полезность. Стоимость и количество полезности являются для маржиналистов равнозначными терминами. Если бы мы подошли к анализу экономической природы факторных доходов с их позиций, то доходы являли бы собой денежные меры полезности факторов, при условии, что речь идет о предельной полезности.

Неоклассиками было положено начало исследования процессов соединения трудовой теории стоимости с теорией предельной полезности. Категория “ценность” как раз и иллюстрирует этот процесс, ее формирование тесно связано с соотношением полезности и стоимости⁴. По мнению Ф.Ф. Стерликова (и мы разделяем эту точку зрения), наиболее удачный вариант соприкосновения данных теорий предлагают Г. Госсен и У. Джевонс, которые вводят в научный оборот понятие “тягость труда”, а в последующем - и категорию “время” как измеритель затрат труда и его полезности⁵. Конечно, стройной концепции синтеза теории полезности и издержек, основанной на использовании феномена времени, у них нет. Ее нет и до сих пор, нерешенной остается проблема выбора параметров, обеспечивающих взаимообусловленность и взаимодополняемость этих теорий.

Однако, несмотря на нерешенную теоретическую проблему синтеза, на практике процесс ценообразования на рынке факторов производства строится на основе двух противоположных парадигм - стоимостной и маржинальной, одна из которых описывает его с позиций предложения, а другая - спроса. Этот момент наиболее ярко отражают слова Е. Бем-Баверка: “...почти все важные и сложные проблемы, в особенности крупные вопросы о распределении доходов - о поземельной ренте, о заработной плате, о проценте на капитал, - имеют свои корни в теории ценности”⁶, которая и должна, на наш взгляд, представлять собой модель взаимосвязи полезности и стоимости.

В контексте данных замечаний, если снова вернуться к проблеме экономической природы факторных доходов, было бы правильно сказать, что она носит не столько стоимостный, сколько ценностный характер, учитывающий реальную эффективность отношений, возникающих в процессе их формирования.

Эклектика идей, попытка их синтеза позволят иначе взглянуть на существующие экономические явления и процессы. Изучение экономической природы факторных доходов может быть плодотворным только при соблюдении этого принципа, когда наряду с господствующими идеями неоклассиков будут учтены взгляды представителей классической и институциональной школ. На них и остановимся поподробнее.

Институциональные отношения представляют собой отношения координации и сотрудничества между людьми, они выполняют в хозяйственной системе основную роль, выступая в качестве основного препятствия спонтанности развития. Институциональные и экономические отношения имеют разный вектор движения, первые выступают как центростремительные силы, некий стабилизирующий фактор, вторые играют роль центробежных. Формирование институтов всегда сопровождается столкновением интересов различных субъектов хозяйствования, т.е. острой конкурентной борьбой, в ходе которой институты претерпевают постепенные изменения. Одним из важнейших институтов в хозяйственной системе является институт собственности, формами экономической реализации которого и выступают факторные доходы.

Собственность на фактор производства двояка, особенно это ярко видно в условиях процесса расщепления пучка правомочий, когда наряду с монополией собственности на фактор появляется и монополия хозяйствования. Трактую монополию как экономическую власть над фактором производства, институционалисты тем самым лишним раз подтверждают, что факторные доходы есть не только экономические, но и институциональные формы реализации собственности.

Определение факторных доходов принципиально важно для институциональной теории, которая, в отличие от неоклассической, не ограничивается анализом только свободных конкурентных рынков, работающих в рамках стоимостной концепции, а затрагивает процесс монополизации рынков. Свободный обмен прав в институциональной интерпретации есть интегрированный рынок факторов производства, где сами права есть лишь права на капитал в его действительной и фиктивной формах⁷. Такой

подход очень близок идеям К. Маркса, что лишним раз убеждает нас в правоте по поводу синтеза идей ученых разных экономических школ в раскрытии сущности какого-либо экономического явления или процесса. К. Маркс в третьем томе “Капитала” делает акцент на переход от стоимостных к маржинальным функциям ценообразования, что позволяет не только увидеть механизм движения действительного капитала, но и учесть проблему движений фиктивного капитала и образования ренты. Институционалисты, в отличие от К. Маркса, при правильной постановке вопроса все же имеют в своих рассуждениях определенную путаницу. Так, А. Алчиан отмечает, что “рентой называют плату за пользование ресурсов - земли, труда, оборудования, идей или даже денег. Рента за использование труда обычно называется “заработной платой”, плата за пользование землей и оборудованием - “рентой”, плата за использование идеи - “роялти”, а плата за пользование деньгами - “процентом”⁸. Использование такого свободного толкования ренты полностью стирает лицо факторного дохода. Если уж говорить о ренте, то она представляет собой избыток рыночной цены над действительной ценой продукта, а следовательно, рентой может являться только часть заработной платы, процента или прибыли, та, которая выступает в качестве фиктивной стоимости. Сведения платы за любой ресурс, предложение которого неэластично, к ренте, на наш взгляд, нецелесообразно, идеи институционалистов в этой области уж точно не помогут в выявлении экономической природы факторного дохода. Зато их взгляд на факторный доход как издержку является явно новаторским.

Поскольку в современном мире получение факторного дохода как институциональной формы реализации собственности сопряжено с заключением договора, арендного, трудового или, может быть, кредитного, для одного из контрагентов сделки факторный доход будет являться издержкой. Договор позволяет рассматривать формирование хозяйственных издержек как совокупность экономических и трансакционных затрат, т.е. суммы действительной стоимости и трансакционных издержек, которые большей своей частью являются фиктивной стоимостью.

Используя инструментарий диалектической логики, в частности метод восхождения от конкретного к абстрактному, приходится констатировать, что последней ступенью нашего анализа экономической природы факторных доходов должно стать выявление субстанции стоимости (ценности). Вопрос этот очень емкий, дискуссионный, существует множество различных подхо-

дов в российской экономической науке к определению содержания субстанции стоимости. Л.И. Томашевская выделяет наиболее крупные из них⁹. Так, Ю.М. Осипов считает, что, являясь атрибутом функционирующей экономической системы, стоимость не имеет субстанции, она несубстанциональный феномен, но при этом стоимость для своего феноменального бытия пользуется субстанцией элементов экономической системы, и прежде всего денег¹⁰. О.Н. Антипина и В.Л. Иноземцев полагают, что в основе формирования стоимостных отношений, наряду с экономическими, лежат социальные и психологические факторы, а стоимость, будучи частным случаем ценности, представляет собой “социопсихический феномен”¹¹. Интеллект как субстанцию стоимости рассматривает В.К. Нусратуллин, соглашаясь и с аргументами приверженцев так называемой концепции энергетической стоимости¹². Одним из сторонников последней является Н.А. Исмагилов, который считает, что в основе формирования стоимости лежит физический закон сохранения энергии, а субстанцию стоимости образует энергия и вещество¹³. Мы же придерживаемся точки зрения К.К. Вальтуха, представителя информационной теории стоимости, которая очень близка к энергетической¹⁴. Как отмечает сам К.К. Вальтух, “эта теория представляет собой обобщение классической трудовой теории стоимости, высшие достижения которой воплощены в экономической теории К. Маркса”¹⁵. Не чужды данной теории и элементы неоклассики и институционализма.

“Стоимость рассматривается как всеобщее общественное выражение количества информации, воплощенной в ингредиентах антропосферы, независимо от их превращения в товары”¹⁶. Информация в товарных отношениях приобретает значимость тогда, когда в ней отражается движение экономической энергии. Именно благодаря такому подходу, пишет В.А. Мещеров, модель К. Маркса можно рассматривать как “информационную модель, которая бессознательно используется рынком в параметрах свободной конкуренции. И подобно тому, как для развитого товарного отношения нет необходимости в золотых монетах, так и для переливов капитала нет необходимости в реальном переливе или отливе капитала, достаточно только иметь информацию о направлении движения финансовых ресурсов, чтобы принять решение о ценах, увеличении или уменьшении объемов производства, размещения или привлечения капиталов”¹⁷. Междисциплинарный подход информационной теории стоимости позволяет снять не только проблему отсутствия монизма в рамках трудовой

теории стоимости К. Маркса¹⁸, но и объясняет подход к экономической природе факторных доходов институционалистов, которые считают, что доходы частично являются трансакционными издержками. Утверждение представителей теории трансакционных издержек о том, что трансакционные издержки есть часть информационных издержек, явно коррелирует с постулатами информационной теории стоимости, где факторные доходы будут выступать сгустками экономической энергии, существующей в форме информационного поля.

Несмотря на наличие критики в адрес теории информационной стоимости¹⁹, по нашему мнению, за ней будущее, это совершенно иной взгляд на сущность экономических явлений и процессов, взгляд, учитывающий преемственность в развитии научных знаний, взаимодействие наук (экономической теории, математики, кибернетики, физики, химии и т.д.) и их методов.

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 397.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 380-381.

³ Мещеров А.В. Реальная экономика: механизм движения фиктивного и действительного капитала // Экономические науки. 2011. □ 4 (77). С. 21.

⁴ Правда, не все авторы придерживаются таких позиций. Ряд исследователей настаивает на том, что всякая хозяйственная деятельность стремится согласовываться с такими требованиями хозяйственного принципа, как стоимость и ценность. Так, В.С. Осипов, опираясь на труды М.И. Туган-Барановского, отмечает, что “ценность имеет непосредственное отношение к способности предметов удовлетворять потребности, то есть к полезности предметов. Под стоимостью же какого-либо хозяйственного предмета нужно понимать хозяйственную затрату, совершенную для приобретения этого хозяйственного предмета” (Осипов В.С. Экономико-теоретические подходы к определению цепочки ценности и стоимости // Экономические науки. 2012. □ 12 (97). С. 55-58).

⁵ Стерликов Ф.Ф. Экономическая теория ценности блага как интегратор трудовой теории стоимости и теории предельной полезности // Вопросы экономики и права. 2012. □ 8. С. 29.

⁶ Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. СПб.; М., 1900. С. 7.

⁷ Ермолаев К.Н. Экономическая сущность фиктивной стоимости // Вестн. Самарского государственного экономического университета. 2008. □ 12 (50). С. 35.

⁸ Алчиан А. Рента // Экономическая теория / под ред. И.М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004. С. 724.

⁹ Томашевская Л.И. Двойственность процесса формирования стоимости товара // Экономические науки. 2008. □ 5 (42). С. 141.

¹⁰ Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М., 1994.

¹¹ Антипина О.Н., Иноземцев В.Л. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе (Статья третья. Конкретный труд и полезность: деструкция стоимости со стороны потребления) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. □ 7. С. 19-29.

¹² Нусратуллин В.К. Образование и источники прибыли: фундаментальные аспекты // Экономика и управление. 2004. □ 4. С. 37-43.

¹³ Исмагилов Н.А. Общая теория стоимости: монография. Уфа, 1991.

¹⁴ Вальтух К.К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. М., 2001.

¹⁵ Вальтух К.К. Информационная теория стоимости и системные экономические оценки природных ресурсов // Интеграционные программы фундаментальных исследований. Новосибирск, 1998. С. 78.

¹⁶ Вальтух К.К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. С. 164.

¹⁷ Мещеров В.А. Рыночный механизм рентных отношений в мировой экономике // Экономические науки. 2010. □ 11 (72). С. 300.

¹⁸ Выявляя экономическую природу рентных доходов, В.А. Мещеров приходит к выводу, что в теории стоимости К. Маркса есть определенные нестыковки. Раскрывая структуру рыночной стоимости, К. Маркс отмечает, что она состоит из двух основных компонентов - стоимости (действительной стоимости) и ложной социальной стоимости. "Вынося ложную социальную стоимость за рамки стоимости или действительной стоимости, К. Маркс

подчеркивает тот факт, что на разных по качеству землях при одинаковых затратах труда (равные техническая оснащенность, уровень профессионального мастерства, организации производства и т.д.) будет возникать одна и та же по величине стоимость, при этом образуется различная рыночная стоимость произведенного продукта. Ложная социальная стоимость (то есть дифференциальная рента) не является особым результатом функционирования абстрактного труда на относительно лучших землях... На основе этого можно сделать вывод о том, что рыночная стоимость определяется не только абстрактным трудом" (Мещеров В.А. Современные рентные отношения: теория, методология и практика хозяйствования. М., 2006. С. 10).

Информационная теория стоимости нивелирует противоречие между действительной и фиктивной стоимостью, рассматривая как нечто однородное (информационное поле), несмотря на принципиальные различия, связанные с отношением к абстрактному труду.

¹⁹ Так, по мнению Г.С. Пушного, информационная теория стоимости вводит нас в заблуждение, "поскольку предлагаемая теория связывает "стоимость" не с информацией, овеществленной в строении и свойствах формы, а с распространенностью или редкостью этой формы. Предлагается измерять распространенность формы посредством формулы, имеющей тот же вид, что и формула Шеннона. Но эта количественная мера распространенности формы есть нечто совершенно иное, чем количество информации" (Пушной Г.С. Количество информации и распространенность (редкость) // Сайт СОЦИО-ИНТЕГРУМ6 цивилизованный форум. URL: <http://www.socintegrum.ru/forum/viewtopic.php?t=87>).

Поступила в редакцию 04.07.2014 г.